

DOI 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-88-104

УДК 39

Дмитрий Владимирович Верховцев

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9232-2952
E-mail: dverhovtcev@gmail.com

Станислав Сергеевич Петряшин

Российский этнографический музей
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4410-7224
E-mail: s-petryashin@yandex.ru

Теории этноса vs марксизм: история миметического сопротивления

АННОТАЦИЯ. Теории Ю. В. Бромлей и Л. Н. Гумилева были призваны сформулировать относительно свободный от политических дискуссий академический дискурс и оградить изучение народов-этносов от догмы исторического материализма, за что и критиковались в советское время. Но в постсоветский период их уже чаще критиковали за отражение и воспроизводство примордиалистской советской национальной политики. Для разрешения этого парадокса мы обращаемся к концепции миметического сопротивления. В своих концептуализациях этнических явлений как принципиально отличных от социально-экономических Бромлей и Гумилев отталкивались (осознанно или неосознанно) от исторического материализма как доминирующей парадигмы и моделировали этнос по аналогии с общественно-экономическими формациями и классами. Воспроизводство-в-сопротивлении советской идеологии в теориях этноса будет рассмотрено на примере общего для Бромлей и Гумилева сюжета «агентов этногенеза» — группы людей, активно участвующих в формировании этноса и ведущих за собой других людей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: теория этноса, исторический материализм, марксизм, миметическое сопротивление, агенты этногенеза, Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилев, советская этнография

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Верховцев Д. В., Петряшин С. С. Теории этноса vs марксизм: история миметического сопротивления. *Кунсткамера*. 2021. 1(11): 88–104. doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-88–104

Dmitry Verkhovtsev

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9232-2952
E-mail: dverhovtcev@gmail.com

Stanislav Petriashin

The Russian Museum of Ethnography
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-4410-7224
E-mail: s-petryashin@yandex.ru

Theories of *Etnos* vs Marxism: A History of Mimetic Resistance

ABSTRACT. The mission of theories of Yu. V. Bromley and L. N. Gumilev was to formulate an academic discourse that would be relatively free from political discussions, and to protect the research of peoples, or ethnos, from the dogma of historical materialism, and this was the reason why they were criticized in the Soviet times. But in the post-Soviet period, they were also often criticized for reflecting and reproducing the primordialistic Soviet nationality policy. To resolve this paradox, we turn to the concept of mimetic resistance. In their conceptualizations of ethnic phenomena as something fundamentally different from socioeconomic formations, Bromley and Gumilev proceeded (consciously or unconsciously) from the historical materialism as the dominant paradigm and modeled ethnos similar to socioeconomic formations and classes. In the article, we consider this reproduction-in-resistance of the Soviet ideology in their theories of ethnos by using the example of the narrative of the “agents of ethnogenesis”, i.e. groups of people actively participating in the formation of an ethnos and leading other people.

KEYWORDS: theory of ethnos, historical materialism, Marxism, mimetic resistance, agents of ethnogenesis, Yu. V. Bromley, L. N. Gumilev, Soviet ethnography

FOR CITATION: Verkhovtsev D., Petriashin S. Theories of Ethnos vs Marxism: A History of Mimetic Resistance. *Kunstkamera*. 2021. 1(11): 88–104. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-88–104

На совещании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г., ставшем важной вехой в процессе марксизации советской этнографии, одной из сквозных тем дискуссии была критика понятия этнос. Главным критиком выступил В. Б. Аптекарь, убежденный маррист и специалист по историческому материализму: «Разбивая все человечество и созданную им культуру на целый ряд этносов, культур, этнологи то приписывают им вечные качества непроницаемости и постоянства, что ведет при соприкосновении их к смерти — уничтожению слабейших из них (оправдание империалистической колониальной политики), то наделяют их биологически-физическими свойствами (диффузия, осмос, скрещения-совокупления, мутации и т.д.), рассматривая процесс общественного развития (подмененный процессом культурного развития) как аналогичный явлениям неорганической и органической природы» (От классиков... 2014: 251–252). По его мнению, этнос у советских этнографов выступал внеисторическим и метафизическим понятием, «проекцией буржуазного национализма» и современных классовых отношений в прошлое (От классиков... 2014: 206, 209). Марксистская критика этноса как объекта этнографии лишила науку права на существование в эпоху «социалистического наступления». Этнография, однако, продолжила свое существование после совещаний 1929 и 1932 г. в статусе «вспомогательной исторической дисциплины».

Парадоксальным образом отказ от «этноса» как буржуазного понятия в этнографии происходил на фоне разворота советской идеологии и национальной политики к примордиалистскому пониманию народов в середине 1930-х годов (Мартин 2011; Брандербергер 2017). Лишь на волне оттепельной либерализации стала возможна реабилитация концепции этноса в 1960-х годах. Главными действующими лицами в этом процессе стали Л. Н. Гумилев и Ю. В. Бромлей, создавшие конкурирующие теории¹. В поздне- и постсоветское время их работы пристально изучались и критиковались исследователями этничности, национализма и расизма, ориентированными на конструктивистские концепции (Тишков 2003б; Skalnik 1990; Скальник 2006; Oushakine 2009; Шнирельман 2011; Соколовский 2011; Филиппов 2010; Bassin 2016). Их аргументы, однако, во многом повторили аргументы Аптекаря: теории этноса критиковались за примордиализм и эссенциализм, органицизм и биологизаторство. Советские теории этноса также обвинялись в прямом или косвенном отражении и воспроизводстве примордиалистской советской национальной политики, которую критики считали причиной постсоветских межнациональных конфликтов. Вместе с тем исследователи подчеркивали определенную оппозиционность теорий этноса (особенно теории пассионарности) к историческому материализму с его пятичленной схемой и сталинской теории нации (Dragadze 1980; Gellner 1988; Shanin 1989; Banks 1996; Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология 2003; Соколовский 2013; Чешко 2016; Головнёв 2018). В 1960-х годах они «звучали инновационно и радикально» (Life Histories 2019: 53–54), так как позволяли выстроить относительно свободный от политических дискуссий академический дискурс, утвердить дисциплинарную автономию этнографии и реабилитировать концепции, подвергшиеся гонениям при сталинизме. По выражению В. А. Тишкова, эссенциализм этнического бросал вызов «эссенциализму классовости и революционизма» (Тишков 2003а: 7). Наконец, если бы теории этноса были просто придатком советской идеологии, то они исчезли бы с ее крахом в 1990-е годы, тогда как «этнос» оказался на удивление востребован в постсоветских реалиях (Oushakine 2009: 94; Тишков 2016; Bassin 2016).

Значительно более оппозиционной репутацией (Шнирельман 2006б: 19) работы Гумилева не в последнюю очередь были обязаны критикам советского времени, прямо называвшим его теорию «противоречащей марксистско-ленинским критериям» (Афанасьев 1985: 110–111). Возникший после

¹ Юлиан Бромлей и Лев Гумилев не были единственными теоретиками этноса в позднем СССР, работы на тему публиковали также Н. Н. Чебоксаров, М. В. Крюков, С. А. Арутюнов, Л. С. Клейн и другие авторы. Важно учитывать, однако, что учение Бромлея во многом было компилятивным и абсорбировало взгляды его коллег по Институту этнографии. Кроме того, из всех теоретиков этноса только герои нашей статьи создали законченные массивные корпуса работ, посвященные концепции этноса. До настоящего времени они обильно цитируются в российской науке. Поэтому мы сосредоточиваемся на анализе концепций именно Бромлея и Гумилева.

распада СССР запрос на замещение дискредитированного марксистского метанарратива отчасти удовлетворялся именно за счет теории пассионарности. Отметим также, что критике со стороны ортодоксального марксизма порой подвергался и Бромлей (Обсуждение статьи 1970; Козьмин и др. 2008: 10–11).

Отношение советских теорий этноса с советской идеологией и марксизмом остается проблематичным: как они могли одновременно и сопротивляться догматическому историческому материализму, доминирующей идеологии и воспроизводить их? Для объяснения данного противоречия мы обращаемся к исследованиям советской истории, выполненным в русле фуколдианского подхода. В работе о советских диссидентах Сергей Ушакин предложил концепцию миметического сопротивления: «(...) оппозиционный дискурс в определенном смысле находился в одном символическом поле с доминирующим дискурсом: он скорее отражал и усиливал риторику режима, чем позиционировал себя вне его или под ним» (Oushakine 2001: 192). И диссиденты, и их оппоненты пользовались одним словарем риторических приемов, символических средств, общим репертуаром идей, хотя и с разными целями. Так или иначе, условием высказывания и возможности быть услышанным была включенность в доминирующее дискурсивное поле, т. е. интернализация лежащих в его основании «правил игры». Миметически воспроизведенный официальный дискурс, впрочем, всегда оказывался в определенной степени модифицированным и измененным — «почти сходным, но не полностью» (Баба 2020) — и нередко вызывал отторжение у представителей власти.

Аналогичным образом будут рассматриваться и концепции Бромлея и Гумилева, хотя они не были политическими диссидентами и их сопротивление догмам исторического материализма в науке было мягким и осторожным. Перефразируя Стивена Коткина, можно сказать, что авторы теорий этноса уверенно «говорили по-марксистски-ленинистски» (Kotkin 1995). Иными словами, работая в дискурсивном поле советской академической науки, они (как и диссиденты) формулировали и обосновывали свои идеи на языке классиков исторического и диалектического материализма, нередко в обход их официальных интерпретаций. Вопрос не исчерпывается «творческим марксизмом» и расстановкой ссылок и цитат из классиков, «чтобы усыпить бдительность придирчивых цензоров» (Шнирельман 2006а: 4). В рамках фуколдианской методологии, развиваемой на советском материале И. Халфиным и Й. Хелльбеком, едва ли уместно задаваться вопросом о том, что «на самом деле» думали Бромлей и Гумилев (Halfin, Hellbeck 1996; Интервью 2002; После Сталина 2018). Как «советские субъекты» они были эффектами и конструктами идеологического дискурса и в этом смысле подобны литературным персонажам, что, однако, не делает их менее реальными и живыми. Доминирующий дискурс в своих работах они могли воспроизводить как сознательно, так и бессознательно.

Так или иначе, мимикрия теорий этноса под диалектический и исторический материализм была достаточной, чтобы они существовали в рамках СССР. Но мимикрия, вероятно, опознавалась как таковая, из-за чего «этнос» даже в формулировке академика Бромлея не был интегрирован в риторику советской национальной политики и оставался до «перестройки» малоизвестным научным концептом (Петренко 2006: 171–172).

Для того чтобы показать миметическое воспроизводство-в-сопротивлении советской идеологии в теориях этноса мы рассмотрим данные концепции с точки зрения их наиболее дискуссионных и спорных по отношению к догматическому историческому материализму составляющих. У Гумилева это концепция пассионарности, а у Бромлея — самосознание как один из ключевых признаков этноса. При этом выявляется общий сюжет, который мы обозначаем как «агенты этногенеза». Под ними подразумевается группа людей, которая принимает активное участие в формировании этноса и ведет за собой других людей. В концепции Гумилева агентами этногенеза являются пассионарии. В теории Бромлея — «передовые представители этнической общности» — носители «концентрированного» этнического самосознания, активно «пробуждающие» его у других людей. Именно агенты этногенеза послужат для нас специфической перспективой, позво-

ляющей по-новому взглянуть на связи между советскими теориями этноса и доминирующим идеологическим дискурсом².

ПЕРЕДОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЭТНОСА

Теория Ю. В. Бромлея — историка, директора Института этнографии с 1966 по 1989 г. — была создана во многом как коллективный труд (что он сам всегда и подчеркивал), учитывающий взгляды многих советских этнографов. Представляя весь этнографический цех, Бромлей в своем стремлении усилить позиции этнографии действовал крайне осторожно. Выдвижение теории этноса на роль главной этнографической теории требовало обоснования при помощи марксистско-ленинской теории, что было довольно проблематично, так как именно критика с марксистских позиций стала причиной «нокдауна» этнографии в 1930-е годы и понижения ее статуса (Слезкин 1993). Как следствие, сюжет агентов этногенеза — специфическое продолжение темы самосознания — не был достаточно развит в теории Бромлея. Впервые он появился в книге «Этнос и этнография» (1973), но в более или менее развернутом виде был представлен только в «Очерках теории этноса» (1983). Исторические предпосылки возникновения данного сюжета включают трансформацию советского идеологического дискурса от классового фундаментализма к национальной риторике, дискурсивное сращивание этнографии с марксизмом и обоснование специфического объекта изучения этнографии, несводимого к смене формаций и истории классовой борьбы.

Еще в 1920-х годах этнография не была значимо ограничена догмами марксизма, так как «русская марксистская теория нации» (Сталин 1949: 335) никак не описывала докапиталистические состояния общества. В неопубликованной статье 1929 г. И. В. Сталин сурово порицал своих оппонентов, утверждавших, что нации возникли до капитализма. Но в 1932 г. этнографию «сверили» с марксизмом и обвинили в несовместимости. Ей как «первой главе в учебнике истории» было отказано в отдельном предмете изучения (Слезкин 1993: 119). Разворот общесоветской политики к консервативным ценностям («Великое отступление» Н. Тимашева) приостановил атаку на дисциплину и даже позволил начать ее реабилитацию. По выражению Т. Мартина, «отступление» переместило фокус внимания на «примордиальные корни нации», теперь считалось, что прототипы современных наций существовали всегда (Мартин 2011: 607). Это заставило расширить «русскую марксистскую теорию нации» на докапиталистические общества, являвшиеся законным полем этнографической науки даже с точки зрения марксизма-ленинизма.

Академик В. В. Струве, в то время директор Института этнографии, в 1939 г. выступил с полемической статьей, уточняющей национальную терминологию, а по сути переводящей ряд ключевых положений исторического материализма на язык этнографии. Со ссылками на речи Сталина он ввел термины, разделяющие отдельные общества «по различным ступеням их национального оформления» (социально-экономическим формациям): для капитализма — «нация», для феодализма и рабовладения — «народность», для первобытности — «племя» (Струве 1939: 6). В 1950 г. в статье «Марксизм и языкознание» Сталин (1953: 12) косвенно поддержал эту схему, что окончательно узаконило систему этнографических терминов именовании общества, параллельную истматовским формациям³.

Другим важным постулатом, делающим этнографию и ее предмет зависимыми от марксизма, было учение о надстройке и базисе. Бромлей ссылался на В. И. Ленина, который, характеризуя структуру общественных отношений, отмечал, что они «делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо

² Отметим, что в концепциях эмигрантов Н. М. Могиланского и С. М. Широкогорова нет аналогов агентов этногенеза, что позволяет видеть в них особенность советских теорий этноса.

³ В дальнейшем идея триады «племя — народность — нация» как исторических форм народа-этноса развивалась в работах этнографов П. И. Кушнера, С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова.

воли и сознания человека» (Бромлей 1973: 12). В ситуации, когда материальные и идеологические отношения выстраиваются в жесткую иерархию, гуманитарные науки должны были в своих объяснительных схемах исходить из примата социально-экономических факторов, часто выходящих за рамки их предметной области. Так, в языкознании до конца 1940-х годов доминировало учение академика Н. Я. Марра, согласно которому даже языки развивались вместе с обществом, синхронно формациям. С этих же позиций марристы критиковали этнографию на рубеже 1920–1930-х годов. Лишь в 1950 г., после выхода статьи Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», язык был освобожден от классовой теории и его больше не следовало считать частью «надстройки» (Сталин 1953: 5–7).

Сталин не написал аналогичной статьи о предмете этнографии, поэтому этнографам предстояло отвязывать свою науку от классовой теории самостоятельно⁴. Этнографии нужен был объект изучения, не сводимый к истории классов и общественно-экономических формаций. Им стал этнос, устойчивый во времени и уходящий корнями в глубокое прошлое, когда классовые отношения еще не сформировались. Наличие у этнографии специфического объекта изучения — этноса, у которого есть собственная история — этническая, позволяло претендовать на более высокий статус в академической иерархии гуманитарных наук. Взявшись за теорию этноса, Бромлей продолжил курс Струве и советских этнографов 1940–1950-х годов на дискурсивное разграничение этнических и социально-экономических явлений.

Бромлей отмечал их разную скорость изменений: первые достаточно устойчивы во времени, а вторые подвижны. Как следствие, «скачки в собственно этнических процессах не совпадают с “разрывами постепенности”, революциями в социально-экономической истории, а соответственно и со скачками в развитии этносоциальных систем» (Этнография 1982: 7–8). Бромлей интегрировал в свою теорию триаду понятий «племя — народность — нация» и рассматривал их как три типа этносоциальных организмов (далее — ЭСО). Этот концепт подчеркивал включенность народов в социально-экономические отношения внутри политических образований. ЭСО, как синхронным формам этноса, противопоставлялся диахронный «этникос», под которым понималась «совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства», т. е. этнос «в узком смысле» (Этнография 1982: 6).

Одним из основных признаков этноса в теории Бромлея было этническое самосознание: о реальности этноса можно говорить только при условии наличия у людей общего самосознания, выражающегося в этнониме. О важности этого признака для дифференциации народов писали этнографы и до Бромлея, но только он смог сделать это положение практически общепризнанным. Если взять «хрестоматийное» определение нации у Сталина, то два признака — территориальная и экономическая общность — у Бромлея отошли к ЭСО, а другие три — общность языка, психического склада и культуры — к этникосу. Этническое самосознание как отражение культурной специфики народа относилось также скорее к этникосу. Включение самосознания как нового признака было самым серьезным, но и спорным добавлением. Даже в 1960-е годы, через десятилетие после развенчания культа личности Сталина, в ходе дискуссии об изучении нации в журнале «Вопросы истории», участникам дискуссии явным образом дали понять, что придание какого-либо значения самосознанию — очень рискованная с точки зрения советского марксизма идея. В итоговой статье отмечалось, что «“самосознание этнической принадлежности”... не может служить одним из основных признаков нации, так как оно является субъективным отражением в сознании человека объективного факта существования нации» (К итогам дискуссии... 1970: 94–95). В дальнейшем Бромлей специально оговаривался, что «неверно возводить этническое

⁴ Опора на знаковую статью Сталина ощущается и в работах Ю. В. Бромлея. Доказывая, что элементы культуры хотя и являются «вторичными, производными» от материальной основы общества, но обладают определенной самостоятельностью, он указывает в сноске, что особенно значительна она «у такого специфического компонента культуры, каким является язык» (Бромлей 1973: 77).

самосознание в ранг решающего свойства этноса, его своеобразного демиурга. Выше мы могли убедиться, что, — как и любая форма сознания — оно явление вторичное, производное от объективных факторов» (Бромлей 1973: 110). Тем не менее акцент на самосознании отделял теорию этноса от догматического исторического материализма и социально-экономической теории⁵.

Творческая интерпретация марксизма была ресурсом для концептуальных инноваций. Так, тема этнического самосознания для Бромлея имела своей параллелью диалектику классового сознания — превращение «класса-в-себе» в «класс-для-себя» (Бромлей 1973: 10). «Класс-в-себе» уже является классом в силу своего объективного положения в производственных отношениях, но вместе с тем не является полноценным классом — «классом-для-себя», поскольку не осознает своего положения и настоящие интересы (Маркс 1955: 183–184). Здесь уместно вспомнить диалектику стихийности и сознательности в историческом материализме⁶. Согласно марксистскому учению, переход пролетариата от стихийности («класса-в-себе») к сознательности («классу-для-себя») происходит неравномерно, первоначально только у его отдельных групп. Наиболее сознательной и активной частью рабочих признается коммунистическая партия, которая ставит своей целью превращение пролетариата в класс за счет политической агитации, просвещения и организационной работы (Ленин 1963; Маркс, Энгельс 1955: 437).

Соответственно и этнос в полном смысле этого слова, по Бромлею, появляется только тогда, когда языковые и культурные различия начинают осознаваться, т.е. когда возникает этническое самосознание. Но самосознание первоначально может возникнуть только у отдельной группы людей — агентов этногенеза: «Не менее показательны... случаи, когда этническое единство исторически сложившейся культурной общности осознается частично. Хотя носителями этнического самосознания при этом могут выступать лишь отдельные представители данной общности, однако, очевидно, само существование в таких случаях этнических общностей не подлежит сомнению» (Бромлей 1973: 111). Иными словами, эти «отдельные представители» являются застрельщиками, «передовиками» этногенеза и индикаторами возникновения нового этноса, который фактически до этого если и существовал, то только как «этнос-в-себе».

Этническое самосознание связывается Бромлеем с осознанием этнических интересов, которые выражаются в этнически значимых действиях: «Диапазон этих действий весьма широк: от простого признания личностью своей этнической принадлежности до массовых выступлений в защиту экономических и политических интересов» (Бромлей 1983: 195). При этом каждый класс в зависимости от своих целей и идеалов определяет этнические интересы по-разному. Так, господствующие классы (в частности, буржуазия), по Бромлею, формируют идеологию национализма и шовинизма. Положительную роль он признает за интеллигенцией, которая, ратуя за развитие родного языка и литературы, служит общенациональным целям и создает базу для развития национального самосознания. Но в условиях антагонистического общества до осознания подлинных общих интересов способны подняться «лишь передовые представители этнической (национальной) общности» (Бромлей 1983: 176). Естественно, в этой роли выступают пролетарии «и их боевой авангард — коммунистические партии» (Бромлей 1983: 195). Только они могут наиболее гармоничным образом сочетать классовые и национальные интересы. В этом ракурсе агенты этногенеза оказываются своего рода «этническими» двойниками революционеров, идейных коммунистов и прочих советских «новых людей», активно пропагандируемых государством.

⁵ Стоит также учесть, что помимо ограничений, накладываемых доминированием марксистской идеологии, существовала собственная традиция отечественной этнографии, восходящая к европейским дискуссиям XIX в. и делившая этнические свойства на объективные и субъективные. Объективные — язык, культура, раса — однозначно указывают на принадлежность человека к этнической общности независимо от его желания и могут быть изучены специалистами (этнографами). Субъективные — самосознание, которое может быть предметом спекуляций и однозначно на этническую принадлежность не указывает (Кушнер 1951: 42).

⁶ Под стихийностью в марксизме понимается общественное развитие без понимания людьми его закономерностей. Сознательность, напротив, предполагает, что люди планомерно действуют в соответствии с познанными объективными условиями и тем самым могут ускорять исторический прогресс.

В теме этнических интересов Бромлей, как представляется, приближается к конструктивизму и инструментализму (в его марксистском варианте)⁷. Этническое самосознание уже не является пассивным отражением объективных отличительных свойств этноса, но зависит от активных «этнических действий» отдельных групп людей (классов и партий) и их «представлений» о национальных интересах, обусловленных властными и экономическими позициями⁸. Тезис о том, что «самосознание этнической общности может быть выражено в концентрированной форме отдельными ее представителями» в конечном счете обосновывается Бромлеем при помощи марксистской теории национальных движений (Бромлей 1983: 177).

Среди возможных причин, по которым Бромлей воспользовался аналитическим аппаратом классовой теории при создании теории этноса, можно назвать смешение понятий «класс» и «нация», встречавшееся и у самих марксистов. В частности, Ленин в рассуждении о двух культурах фактически наделял каждый класс одной нации собственной национальной культурой. Нации, по аналогии с классами, оценивались им как «прогрессивные», если у власти находился прогрессивный класс, и «реакционные», если управлялись реакционными классами. Другой исторической предпосылкой была смена риторики классовой борьбы националистической в середине 1930-х годов⁹.

ПАССИОНАРИИ

Пассионарную теорию этногенеза Л. Н. Гумилев, по собственному признанию, начал разрабатывать в конце 1930-х годов, отбывая срок по обвинению в «контрреволюционной террористической деятельности» (Гумилев 1990). Первые статьи по теории этногенеза, однако, были опубликованы только в середине 1960-х. К этому времени Гумилев уже был реабилитирован и работал научным сотрудником НИИ географии при Ленинградском государственном университете. Наиболее полное изложение своей теории Гумилев представил в работе «Этногенез и биосфера Земли», которая защищалась как докторская диссертация по географии в 1974 г., но была опубликована только в 1989 г.

В основании пассионарной теории этногенеза находится различие между природным и социальным как двумя формами движения материи. Им соответствуют две формы человеческих коллективов — этносы и общества. В конце 1980-х годов это обосновывалось Гумилевым со ссылкой на Маркса, различавшего общества (*Gesellschaft*) и первичные коллективы (*Gemeinwesen*), существовавшие еще до появления у человека материального производства. По мнению советского ученого, деление на первичные коллективы с появлением обществ не исчезло, а, наоборот, «постепенно развиваясь, создало те целостности, которые мы называем этносами» (Гумилев 2008: 24). Такое различие позволяло Гумилеву обходить догмы исторического материализма: его исследования были посвящены истории не социальных явлений, а природных — этносов. Соответственно к изучению этносов можно было применять естественно-научные методы, что в позднем СССР давало определенную свободу от идеологии¹⁰. Вместе с тем для легитимизации своей нестандартной концепции Гумилев обращался к диалектическому материализму, по отношению к которому истмат был лишь частным случаем. На одной из конференций, согласно воспоминаниям, он так ответил на вопрос о наличии в его работах исторического материализма: «Нет! А диалектическим материализмом заниматься можно или нет?» После этого критики

⁷ Некоторые аспекты теории этногенеза Гумилева также интерпретируются как близкие к конструктивистским теориям этничности (Головнёв 2018: 30).

⁸ В такой формулировке концепция этноса оказывается близка к марксистской теории национальных движений М. Хроха, претендующей на синтез примордиализма и конструктивизма (Hroch 1985).

⁹ Т. Мартин показывает, что первой ласточкой этого разворота стало письмо Сталина Демьяну Бедному, где автор отождествлял сначала русский пролетариат с советским пролетариатом, а потом и с Россией в целом. И хотя в риторике письма руководящая роль все еще приписывалась русским рабочим, к середине 1930-х это место в пропаганде повсеместно занял русский народ (Мартин 2011: 375).

¹⁰ См., например, случай социобиологии В. П. Эфроимсона (Howell 2010).

«сразу замолчали» (Гумилев 1993: 158). Применение диалектического материализма к истории в обход исторического материализма было еще одним способом расширения пространства относительной творческой свободы, необходимым для создания пассионарной теории этногенеза.

Гумилев считал, что не противопоставляет свою концепцию этногенеза историческому материализму, но дополняет его. Связь социальной истории и производительных сил с географической средой и биосферой, по его мнению, были опосредованы «этносферой». Иными словами, универсальные общественно-экономические формации требовали для адаптации к локальным условиям «подкладки» в виде этносов. Такая конструкция предполагала общий знаменатель для истории общества и этногенеза — отношение человека к природе. Исходная точка в обоих случаях — равновесие. У Маркса и Энгельса первобытность характеризуется натуральным хозяйством, нацеленным на простое воспроизводство жизни. Это равновесие нарушается при переходе к классовому обществу, когда стихийное развитие средств производства позволяет извлекать из природы больше ресурсов, накапливать и распределять избыток продуктов труда (Энгельс 1961а: 199). Гумилев же исходит из «этнического гомеостаза», при котором люди абсорбируют из окружающей среды энергию, достаточную только для воспроизводства жизни. Гомеостаз разрушают «пассионарные толчки», которые, по гипотезе советского ученого, обусловлены космическим излучением неизвестного происхождения. Они порождают микромутации в генах человека, носители которых — пассионарии — поглощают из внешней среды избыточно много «энергии живого вещества» (термин В. И. Вернадского) и становятся страстными, импульсивными людьми, способными на самопожертвование ради идеи. Они выступают ядром будущего этноса и объединяют вокруг себя людей. Благодаря мутации пассионарии способны на «сверхнапряжение», активное освоение и трансформацию среды через хозяйственную деятельность (Гумилев 1968: 195). В процессе адаптации также вырабатывается специфический для каждого этноса стереотип поведения. Соответственно тип ландшафта, в рамках которого сформировался этнос, оказывается его экологической нишей, и именно в этом смысле этнос становится природным явлением.

Нарушение равновесия как в марксизме, так и в пассионарной теории этногенеза выражается в повышенной эмоциональности и «страстности» людей. Для обоснования пассионарности как ведущей силы исторического развития Гумилев ссылаясь на Энгельса, для которого такие страсти, как жадность и властолюбие были «рычагами исторического развития» (Энгельс 1961б: 296). Именно «алчное стремление к богатству», по мнению последнего, привело к падению первобытного коммунизма и возникновению антагонистических классов. Для советского историка все эти чувства были модусами пассионарности: «Пассионарность может проявляться в самых различных чертах характера, с равной легкостью порождая подвиги и преступления, созидание, благо и зло, но не оставляя места бездействию и спокойному равнодушию» (Гумилев 2001: 308).

Таким образом, можно говорить об общей топике и диалектической логике исторического материализма и теории этногенеза Гумилева: исходное состояние равновесия со средой (первобытность / этнический гомеостаз), получение избыточного количества ресурсов/энергии из природной среды (на уровне хозяйства или индивидуальной/популяционной биологии), «страстное» поведение в условиях кризиса и, наконец, переход в качественно новое состояние (новая формация/ этнос).

Как неоднократно подчеркивал Гумилев, «пассионарность — стихийное явление» (Гумилев 2001: 317). Здесь снова уместно обратиться к диалектике стихийности и сознательности. В марксизме стихийность напрямую связывалась со страстностью. Как писал Энгельс, «в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования, — особенно отдельных эпох и событий, — оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам» (Энгельс 1961б: 306). Гумилев в своей теории игнорирует сознательность людей — история для него «стихийна», но сохраняет разделение между осознанными

действиями и эмоциональными¹¹. Первые, согласно советскому историку, подчиняются «закону спонтанного общественного развития», а вторые связаны с пассионарными толчками (Гумилев 1970: 50). Иными словами, при помощи стихийности — категории исторического материализма — на уровне психологии воспроизводится ключевое для Гумилева противопоставление социального и этнического, природного.

При обсуждении «стихийности» пассионария важно вспомнить исторический контекст конца 1930-х годов, когда, по одной из версий, зарождалась теория этногенеза Гумилева. В этот период в СССР шла активная кампания по пропаганде «новых людей» — стахановцев, чкаловцев, папанинцев и др. Их пропагандистский образ, растиражированный в газетах и искусстве социалистического реализма, имел много общего с пассионариями Гумилева: это были активные и энергичные личности, с энтузиазмом покорявшие природу, перевыполнявшие производственные планы и преодолевающие закостеневшие традиции ради высших идеалов (Bassin 2016: 121–133)¹². Их биографии выстраивались как переход от «стихийности» к «сознательности», хотя достижение последней никогда не было полным (Clark 1981: 293). Советские «новые люди» этого периода в публичном дискурсе всегда представляли отчасти стихийными «детьми», требовавшими мудрого руководства со стороны «отцов» — партийных лидеров во главе со Сталиным (Clark 1977: 188; Bergman 1998). Вместе с тем для простых рабочих и колхозников «новые люди» должны были служить образцами сознательности и политической грамотности.

На «новых людей» 1930-х годов обращал внимание Гумилева и П. С. Савицкий в письме 1957 г.¹³ Он считал, что в то время отсталость России от Запада не подлежала сомнению, но свершения, подвиги и рекорды полярников, летчиков и моряков являлись «фактами-пророчествами», предвещавшими великий подъем. Философию «фактов-пророчеств» Савицкий предлагал Гумилеву применить к истории кочевников (Письма 1993: 225), что действительно можно увидеть в работах по пассионарной теории¹⁴. Так, появившиеся вследствие спонтанных мутаций пассионарии с героическим стереотипом поведения предвосхищают собой будущий этнос, который будет образовываться вокруг них.

В самом общем виде пассионарная модель этногенеза оказывается гомологичной жизненному циклу общественно-экономической формации. Если смена формаций обеспечена диалектикой классовой борьбы, то динамику этногенеза определяет различие пассионариев и гармоничных людей. Согласно Гумилеву, количество пассионариев максимально в начале этногенеза («акматическая фаза» — аналог революции), когда они стремятся изменить окружающий социальный мир и сломать традиции. Их императив революционен: «Надо исправить мир, ибо он плох!» (Гумилев 2001: 463). По мере «старения» этноса количество пассионариев неуклонно снижается. Также в рамках жизненного цикла общественно-экономической формации некогда прогрессивный класс постепенно теряет свой революционный характер и становится реакционным (Маркс, Энгельс 1955). В этносе есть и свои подобию классов, организованные в соответствии с уровнем пассионарности от наибольшего к наименьшему: пассионарии, гармоничные люди и субпассионарии. Деятельные пассионарии подобны революционному классу, в то время как консервативно настроенные и находящиеся в энергетическом гомеостазе гармоничные люди оказываются аналогами реакционного класса. Субпассионариям — бродягам и вырожденцам — соответствует люмпен-пролетариат Маркса. Явное сходство субпассионариев Гумилева с «деклассированными элемен-

¹¹ В марксизме сознательные действия присущи и «стихийным» людям, но последствия их действий могут не приносить ожидаемых результатов из-за их противоречия закономерностям общественного развития, понимание которых есть условие «сознательности».

¹² В отличие от советских «новых людей», пассионарии были этически амбивалентны и лишены органической связи с техникой и машинами.

¹³ Изначально этот сюжет был развит в письме Савицкого «своему другу, философу и историку музыки», вероятно, П. П. Сувчинскому. Текст этого письма автор переслал также Гумилеву.

¹⁴ Фигуры пассионариев, выведенные Гумилевым так схоже с «новыми людьми» 1930-х годов, отчасти базировались и на описанных Н. С. Трубецким в «Наследии Чингизхана» людях особого психологического типа, ценивших честь выше жизни (Трубецкой 1999: 230–233).

тами» было подмечено и раскритиковано уже Ю. В. Бромлеем как форма натурализации классового неравенства и расизм (Бромлей 1988: 229–230). Гумилев, конечно, призывал «не смешивать отмеченные типы с подразделениями классовыми или сословными» (Гумилев 2001: 338), что, впрочем, говорит о том, что он сам видел возможность такого сближения. В интервью 1990 г. он уже говорил о российском дворянстве как о пассинариях, которые, вступая в отношения с крестьянскими женщинами, передали свою пассионарность части крестьянства (Гумилев 1993: 137). Граница между пассинариями и непассинариями проводилась им в данном случае по границе сословий.

Таким образом, можно утверждать, что Гумилев был вполне серьезен, когда заявлял на первых страницах «Этногенеза и биосферы Земли», что собирается применять к этногенезу содержащуюся в трудах основоположников марксизма программу системного подхода к историческим процессам (Гумилев 2001: 21). Несмотря на «ореол», в своей теории он миметически воспроизвел ряд существенных положений исторического материализма. Выявленное сходство при этом выходит за рамки ритуального цитирования классиков, касается ядра самой теории и, вероятно, не осознавалось во всей полноте автором. Структурное сходство между социальной и этнической историями у Гумилева не прошло незамеченным в литературе. Так, Шнирельман и Панарин соглашаются с Яновым (1992: 110–111) в том, что «“этнические” критерии Гумилева фактически применимы к любой революции, к любой реформации. И при желании их вполне достаточно, чтобы квалифицировать соответствующие события как рождение нового этноса» (Шнирельман, Панарин 2000: 15).

Отмеченные в настоящей работе параллели, однако, не означают, что пассионарная теория этногенеза зависела только или преимущественно от исторического материализма. Концепция Гумилева создавалась в интеллектуальном диалоге с широким кругом ученых и мыслителей, таких как Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, К. Н. Леонтьев, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, Г. В. Ф. Гегель, В. И. Вернадский, и в этом смысле была более эклектична, чем теория этноса Ю. В. Бромлея (Лавров 2003; Беляков 2013; Bassin 2016).

* * *

Теории этноса, конкурировавшие в позднесоветское время, оказались довольно близки в попытках выгородить пространство относительной свободы от диктата исторического материализма. Важное отличие, однако, состояло в том, что в случае теории пассионарности на кону стояла независимость научной деятельности одного человека, в то время как в случае теории этноса Бромлея ставкой была самостоятельность целой дисциплины. Возможно, травматический опыт репрессий, затронувших как лично Л. Н. Гумилева, так и в целом советскую этнографию как дисциплину, создал у авторов потребность в сопротивлении академическому статус-кво и повлиял на его специфические формы.

Стратегии миметического сопротивления историческому материализму у авторов теорий этноса оказались очень близкими в исходной и конечной точках, несмотря на все различия в промежуточных пунктах. Исходной точкой как в случае Бромлея, так и в случае Гумилева было разграничение этнической и социально-экономической истории. Бромлей, оставаясь в рамках социальной интерпретации этнического, ввел различие этникоса и этносоциального организма и, таким образом, предложил новую форму интеграции учения о формациях в этнографию. Более радикальный Гумилев интерпретировал этнос как природный феномен, для обоснования чего обратился уже не к историческому, а диалектическому материализму. Разные способы утверждения различий между этническим и социальным обусловили разные пути развития теорий.

В концепции Бромлея важным элементом стало самосознание как отражение культурной специфики этникоса. Разработка темы самосознания при помощи диалектики классового сознания привела его к сюжету «передовых представителей» этноса. Гумилев же обратился к теме отношения человека к природе, исходному равновесию и его «страстному» нарушению стихийными

пассионариями. Таким образом, конечные точки нашего рассмотрения их теорий совпадают в фигуре агентов этногенеза. В обоих случаях они оказываются миметическим воспроизводством марксистского концепта «революционного класса» и его авангарда в рамках теории этноса. Их концептуализация, однако, была различной. «Передовых представителей» этноса Бромлей можно рассматривать как проекцию идеального «советского субъекта» — сознательного революционера и коммуниста — в этническую историю. Стихийные, но лишённые сознательности пассионарии Гумилева, напротив, представляют собой полемическую инверсию советского «нового человека» в зеркале этноса. Тем не менее обе концепции агентов этногенеза воспроизводили доминирующий дискурс, так как были сформулированы на языке исторического материализма с его диалектикой стихийности и сознательности.

Миметическое сопротивление оказалось эффективнее, чем, наверное, могли бы предполагать авторы теорий этноса. «Этнос» был принят советской системой, позволил укрепить положение этнографии как отдельной науки, хотя и не вошел в дискурс чиновников, ответственных за национальную политику. Теория пассионарности, отвергнутая официальной наукой, обрела популярность за пределами советской академии и после распада СССР превзошла по влиятельности теорию Ю. В. Бромлея. После краха советской идеологии связи с марксизмом не помешали теориям этноса наращивать популярность. Казалось, что из них можно выкинуть марксистские элементы и взять на вооружение идеи, хорошо укладывающиеся в националистическую и этноцентристскую риторику. Впрочем, как показывает настоящая работа, даже в таких «немарксистских» идеях, как пассионарность или обособленность этнической истории от истории государства, обнаруживаются скрытые следы советских дискурсивных конструкций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / отв. ред. С. Я. Козлов. М.: Наука, 2003.
- Афанасьев Ю. Н.* Прошлое и мы // Коммунист. 1985. № 14. С. 105–116.
- Баба Х.* Мимикрия и человек: двойственность колониального дискурса [1984] // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 29–37.
- Беляков С. С.* Гумилев сын Гумилева. М.: АСТ, 2013.
- Бранденбергер Д. Л.* Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) / пер. с англ. Н. Г. Алёшина, Л. Ю. Пангина, Л. Н. Высоцкий. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
- Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Бромлей Ю. В.* По поводу одного «автонекролога» // Знамя. 1988. № 12. С. 229–232.
- Головнёв А. В.* Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.
- Гумилев Л. Н.* О термине «этнос» // Доклады Географического общества СССР. Вып. 3. Л., 1967. С. 3–17.
- Гумилев Л. Н.* Этнос и ландшафт. Историческая география как народоведение // Известия Всесоюзного географического общества. 1968. № 3. С. 193–202.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1. С. 46–55; № 2. С. 43–50.
- Гумилев Л. Н.* Законы времен // Литературное обозрение. 1990. № 3. С. 3–9.
- Гумилев Л. Н.* В какое время мы живем? (диалог с Д. М. Балашовым) // Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Прогресс-Пангея; Экопрос, 1993. С. 133–160.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001.
- Гумилев Л. Н.* Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. М.: Айрис-Пресс, 2008.
- Интервью с Игалом Халфиным и Йоханом Хелльбеком // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 217–261.
- К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 94–95.
- Козьмин В. А., Верняев И. И., Новожилов А. Г. Р. Ф.* Итс — ученый, учитель, коллега // Историческая этнография. Вып. 3. Малые этнические и этнографические группы. СПб.: Новая альтернативная полиграфия, 2008. С. 8–28.
- Кушнер П. И.* Этнические территории и этнические границы. М.: АН СССР, 1951.

- Лавров С. Б.* Лев Гумилев: судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2003.
- Ленин В. И.* Что делать? // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963. С. 1–192.
- Маркс К.* Ницета философии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 65–185.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2 изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.
- Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия» // Советская этнография. 1970. № 3. С. 86–103.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Петренко С. П.* К вопросу о терминах «этнос» и «этническая общность» // Известия Таганрогского института А. П. Чехова. 2006. № 2. С. 170–174.
- Письма П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилева // Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Экопрос, 1993. С. 201–236.
- После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985) / под ред. А. Пинского. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2018.
- Скальник П.* Советская «теория» этноса и ее южноафриканская параллель // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 72–85.
- Слезкин Ю.* Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.
- Соколовский С. В.* Время традиции: прошлое в настоящем российской антропологии // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 205–221.
- Соколовский С. В.* Культурная медиация, традиции и инновации: о поэтике заимствования в истории советской этнографии // Антропология академической жизни: традиции и инновации. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 18–46.
- Сталин И. В.* Национальный вопрос и ленинизм: ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. С. 333–355.
- Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953.
- Струве В. В.* Советская этнография и ее перспективы // Советская этнография. 1939. № 2. С. 3–10.
- Тишков В. А.* О Ю. В. Бромлее // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / отв. ред. С. Я. Козлов. М.: Наука, 2003а. С. 3–9.
- Тишков В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003б.
- Тишков В. А.* От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
- Трубецкой Н. С.* Наследие Чингизхана. М.: Аграф, 1999.
- Филлипов В. Р.* Советская теория этноса. Историографические очерки. М.: Институт Африки РАН, 2010.
- Чешко С. В.* О творческом наследии Ю. В. Бромлея // Вестник антропологии. 2016. № 2. С. 6–24.
- Шнирельман В. А.* Введение (специальная тема номера: уроки Гумилева: блеск и ницета теории этногенеза) // Этнографическое обозрение. 2006а. № 3. С. 3–7.
- Шнирельман В. А.* Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006б. № 3. С. 8–21.
- Шнирельман В. А.* «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Шнирельман В. А., Панарин С. А.* Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 5–37.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961а. С. 5–338.
- Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961б. С. 269–317.
- Этнография / под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. М.: Высшая школа, 1982.
- Янов А. Л.* Учение Льва Гумилева // Свободная мысль. 1992. № 17. С. 104–116.
- Banks M.* Ethnicity: Anthropological Constructions. London: Routledge, 1996.

- Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism and the Construction of Community in Modern Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 2016.
- Bergman J. Valerii Chkalov: Soviet Pilot as New Soviet Man // *Journal of Contemporary History*. 1998. Vol. 33, no. 1. P. 135–152.
- Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Bloomington: Indiana University Press, 1981.
- Clark K. Utopian Anthropology as a Context for Stalinist Literature // *Stalinism: Essays in Historical Interpretation* / ed. by R. C. Tucker. New York: Routledge, 1977. P. 180–198.
- Dragadze T. The place of “ethnos” theory in Soviet anthropology // *Soviet and Western Anthropology* / ed. by E. Gellner. New York: Columbia University Press, 1980. P. 161–170.
- Gellner E. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Blackwell, 1988.
- Halfin I., Hellbeck J. Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin’s ‘Magnetic Mountain’ and the State of Soviet Historical Studies // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Vol. 44, no. 3. P. 456–463.
- Howell Y. The Liberal Gene: Sociobiology as Emancipatory Discourse in the late Soviet Union // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69, no. 2. P. 356–376.
- Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*. New York: Cambridge University Press, 1985.
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond / ed. by David G. Anderson, Dmitry V. Arzyutov and Sergei S. Alymov. Cambridge: Open Book Publishers, 2019.
- Oushakine S. A. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2009.
- Oushakine S. A. The Terrifying Mimicry of Samizdat // *Public Culture*. 2001. Vol. 13, no. 2. P. 191–214.
- Shanin T. Ethnicity in the Soviet Union Analytical Perceptions and Political Strategies // *Comparative Studies in Society and History*. 1989. Vol. 31, no. 3. P. 409–424.
- Skalnik P. Soviet Etnografiia and the National(ities) Question // *Cahiers du Monde Russe*. 1990. Vol. 31, no. 2–3. P. 183–193.

REFERENCES

- Afanas’ev Yu. N. Proshloe i my [The Past and We]. *Kommunist*, 1985, no. 14, pp. 105–116. (In Russian)
- Akademik Yu. V. *Bromlei i otechestvennaia etnologiiia. 1960–1990-e gody* [Yu. V. Bromlei and the National Ethnology. 1960–1990s]. Ed. by S. Ya. Kozlov. Moscow: Nauka, 2003. (In Russian)
- Banks M. *Ethnicity: Anthropological Constructions*. London: Routledge, 1996.
- Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism and the Construction of Community in Modern Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 2016.
- Beliakov S. S. *Gumilev, syn Gumileva* [Gumilev, the Son of Gumilev]. Moscow: AST, 2013. (In Russian)
- Bergman J. Valerii Chkalov: Soviet Pilot as New Soviet Man. *Journal of Contemporary History*, 1998, vol. 33, no. 1, pp. 135–152.
- Bhabha H. Mimikriia i chelovek: dvoistvennost’ kolonial’nogo diskursa [1984] [Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, no. 1 (161), pp. 29–37. (In Russian)
- Brandenberger D. L. *Stalinskii russotsentrizm. Sovetskaia massovaia kul’tura i formirovanie russkogo natsional’nogo samosoznaniia (1931–1956)* [Stalinist Russocentrism. Soviet Mass Culture and the Formation of the Modern Russian National Identity (1931–1956)]. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2017. (In Russian)
- Bromlei Yu. V. *Etnos i etnografiia* [Etnos and Ethnography]. Moscow: Nauka, 1973. (In Russian)
- Bromlei Yu. V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Etnos]. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
- Bromlei Yu. V. Po povodu odnogo “avtonekrologa” [About an “Autonecrologue”]. *Znamia*, 1988, no. 12, pp. 229–232. (In Russian)
- Cheshko S. V. O tvorcheskome nasledii Yu. V. Bromleia [About the Creative Legacy of Yu. V. Bromlei], *Vestnik antropologii*, 2016, no. 2, pp. 6–24. (In Russian)
- Clark K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Bloomington: Indiana University Press, 1981.
- Clark K. Utopian Anthropology as a Context for Stalinist Literature. *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. Ed. by R. C. Tucker. New York: Routledge, 1977, pp. 180–198.
- Dragadze T. The Place of “Etnos” Theory in Soviet Anthropology. *Soviet and Western Anthropology*. Ed. E. Gellner. New York: Columbia University Press, 1980, pp. 161–170.

- Engels F. Anti-Diuring [Anti-Duhring]. *K. Marx i F. Engels. Sochineniia*. 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961, pp. 5–338. (In Russian)
- Engels F. Liudvig Feierbakh i konets klassicheskoi nemetskoï filosofii [Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy]. *K. Marx i F. Engels. Sochineniia* [K. Marx, F. Engels. Essays]. 2nd ed. Vol. 21. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961, pp. 269–317. (In Russian)
- Etnografiia* [Ethnography]. Edited by Yu. V. Bromlei and G. E. Markov. Moscow: Vysshaia shkola, 1982. (In Russian)
- Filippov V. R. *Sovetskaia teoriia etnosa. Istoriograficheskie ocherki* [Soviet Theory of Etnos. Historiographical Essays]. Moscow: Institut Afriki RAN, 2010. (In Russian)
- Gellner E. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Blackwell, 1988.
- Golovnev A. V. Etnografiia v rossiiskoi akademicheskoi traditsii [Ethnography in the Russian Academic Tradition]. *Etnografiia*, 2018, no. 1, pp. 6–39. (In Russian)
- Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Biosphere of Earth]. St. Petersburg: Kristall, 2001. (In Russian)
- Gumilev L. N. Etnogenez i etnosfera [Ethnogenesis and Ethnosphere]. *Priroda*, 1970, no. 1, pp. 46–55; no. 2, pp. 43–50. (In Russian)
- Gumilev L. N. Etnos i landshaft. Istoricheskaiia geografiia kak narodovedenie [Etnos and Landscape. Historical Geography as Ethnology]. *Izvestiia Vsesoiuznogo geograficheskogo obshchestva*, 1968, no. 3, pp. 193–202. (In Russian)
- Gumilev L. N. *Konets i vnov' nachalo: populiarnye leksii po narodovedeniiu* [The End and Again the Beginning: Popular Lectures on Ethnology]. Moscow: Airis-Press, 2008. (In Russian)
- Gumilev L. N. O termine “etnos” [About the Notion of “Etnos”]. *Doklady Geograficheskogo obshchestva SSSR*. Vol. 3. Leningrad, 1967, pp. 3–17. (In Russian)
- Gumilev L. N. V kakoe vremia my zhivem? (dialog s D. M. Balashovym) [In What Time Are We Living? (A Dialogue with D.M. Balashov)]. *Ritmy Evrazii. Epokhi i tsivilizatsii* [Rhythms of Eurasia. Epochs and Civilizations]. Moscow: Progress-Pangeia; Ekopros, 1993, pp. 133–160. (In Russian)
- Gumilev L. N. Zakony vremen [The Laws of the Times]. *Literaturnoe obozrenie*, 1990, no. 3, pp. 3–9. (In Russian)
- Halfin I., Hellbeck J. Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's ‘Magnetic Mountain’ and the State of Soviet Historical Studies. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996, vol. 44, no. 3, pp. 456–463.
- Howell Y. The Liberal Gene: Sociobiology as Emancipatory Discourse in the late Soviet Union. *Slavic Review*, 2010, vol. 69, no. 2, pp. 356–376.
- Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*. New York: Cambridge University Press, 1985.
- Interv'iu s Igalom Khalfinym i Iokhanom Khell'bekom [Interviews with Igal Halfin and Jochen Hellbeck]. *Ab Imperio*, 2002, no. 3, pp. 217–261. (In Russian)
- K itogam diskussii po nekotorym problemam teorii natsii [To the Results of the Discussion on Some Problems of the Theory of the Nation]. *Voprosy istorii*, 1970, no. 8, pp. 94–95. (In Russian)
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Koz'min V. A., Verniaev I. I., Novozhilov A. G. R. F. Its — uchenyi, uchitel', kollega [R. F. Its, A Scholar, Teacher, and Colleague]. *Istoricheskaiia etnografiia. Vyp. 3. Malye etnicheskie i etnograficheskie gruppy* [Historical ethnography. Issue 3. Small Ethnic and Ethnographic Groups]. St. Petersburg: Novaia Al'ternativnaia Poligrafia, 2008, pp. 8–28. (In Russian)
- Kushner P. I. *Etnicheskie territorii i etnicheskie granitsy* [Ethnic Territories and Ethnic Boundaries]. Moscow: Izdstel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. (In Russian)
- Lavrov S. B. *Lev Gumilev: Sud'ba i idei* [Lev Gumilev: Fate and Ideas]. Moscow: Airis-Press, 2003. (In Russian)
- Lenin V. I. Chto delat'? [What to Do?]. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii* [Full Composition of Writings]. 5th ed. Vol. 6. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1963, pp. 1–192. (In Russian)
- Life Histories of Etnos: Theory in Russia and Beyond*. Edited by David G. Anderson, Dmitry V. Arzyutov and Sergei S. Alymov. Cambridge: Open Book Publishers, 2019.
- Marx K. Nishcheta filosofii [The Poverty of Philosophy]. *K. Marx i F. Engels. Sochineniia* [K. Marx, F. Engels. Essays]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, pp. 65–185. (In Russian)

Marx K., Engels F. Manifest kommunisticheskoi partii [The Communist Manifesto]. *K. Marx i F. Engels. Sochineniia* [K. Marx, F. Engels. Essays]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, pp. 419–459. (In Russian)

Martin T. *Imperiia "polozhitel'noi deiatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: Rosspen, 2011. (In Russian)

Obsuzhdenie stat'i Yu. V. Bromleia "Etnos i endogamiia" [Discussion of the Article "Etnos and Endogamy" by Yu. V. Bromley]. *Sovetskaia etnografiia*, 1970, no. 3, pp. 86–103.

Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5 — 11 aprelia 1929 g.) [From the Classics to Marxism: A Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)] Eds. D. V. Arziutov, S. S. Alymov, D. G. Anderson. St. Petersburg: Muzei Antropologii i Etnografii Rossijskoi Akademii Nauk, 2014. (In Russian)

Oushakine S. A. *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2009.

Oushakine S. A. The Terrifying Mimicry of Samizdat. *Public Culture*, 2001, vol. 13, no. 2, pp. 191–214.

Petrenko S. P. K voprosu o terminakh "etnos" i "etnicheskaia obshchnost'" [On the Question of the Terms "Etnos" and "Ethnic Community"]. *Izvestiia Taganrogskego instituta A. P. Chekhova*, 2006, no. 2, pp. 170–174. (In Russian)

Pis'ma P. N. Savitskogo L. N. Gumilevu [P. N. Savitsky's Letters to L. N. Gumilev]. *Ritmy Evrazii. Epokhi i tsivilizatsii* [The Rhythms of Eurasia. Epochs and Civilizations]. Moscow: Ekopros, 1993, pp. 201–236. (In Russian)

Posle Stalina: pozdnesovetskaia sub"ektivnost' (1953–1985) [After Stalin: Late Soviet Subjectivity (1953–1985)]. Ed. by A. Pinsky. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. (In Russian)

Shanin T. Ethnicity in the Soviet Union Analytical Perceptions and Political Strategies. *Comparative Studies in Society and History*, 1989, vol. 31, no. 3, pp. 409–424.

Shnirel'man V. A. Lev Gumilev: ot "passionarnogo napriazheniia" do "nesovmestimosti kul'tur" [Lev Gumilev: From "Passionate Tension" to "Incompatibility of Cultures"]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2006, no. 3, pp. 8–21. (In Russian)

Shnirel'man V. A. Vvedenie (spetsial'naia tema nomera: Uroki Gumileva: blesk i nishcheta teorii etnogeneza) [Introduction (The Special Topic of the Issue: Lessons from Gumilev: The Splendor and Misery of the Theory of Ethnogenesis)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2006, no. 3, pp. 3–7. (In Russian)

Shnirel'man V. A. "Porog tolerantnosti": ideologiya i praktika novogo rasizma [The Threshold of Tolerance: The Ideology and Practice of the New Racism]. In 2 issues. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. (In Russian)

Shnirel'man V. A., Panarin S. A. Lev Nikolaevich Gumilev: osnovatel' etnologii? [Lev Nikolaevich Gumilev: The Founder of Ethnology?]. *Vestnik Evrazii*, 2000, no. 3, pp. 5–37. (In Russian)

Skal'nik P. Sovetskaia "teoriia" etnosa i ee iuzhnoafrikanskaia paralel' [The Soviet "Theory" of Etnos and its South African Parallel]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2006, no. 3, pp. 72–85. (In Russian)

Skalnik P. Soviet Etnografiia and the National(ities) Question. *Cahiers du Monde Russe*, 1990, vol. 31, no. 2–3, pp. 183–193.

Slezkine Yu. Sovetskaia etnografiia v nokdaune: 1928–1938 [The Fall of Soviet Ethnography, 1928–38]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1993, no. 2, pp. 113–125. (In Russian)

Sokolovskii S. V. Bremia traditsii: proshloe v nastoiashchem rossiiskoi antropologii [The Burden of Tradition: The Past in the Present of Russian Anthropology]. *Antropologicheskii forum*, 2011, no. 15, pp. 205–221. (In Russian)

Sokolovskii S. V. Kul'turnaia mediatsiia, traditsii i innovatsii: o poetike zaimstvovaniia v istorii sovetskoi etnografii [Cultural Mediation, Traditions and Innovations: On the Poetics of Borrowing in the History of Soviet Ethnography]. *Antropologiya akademicheskoi zhizni: traditsii i innovatsii* [Anthropology of Academic Life: Tradition and Innovation]. Ed. by G. A. Komarova. Moscow: Institut Etnografii i Antropologii Rossijskoj Akademii Nauk, 2013, pp. 18–46. (In Russian)

Stalin I. V. *Marksizm i voprosy iazykoznaniiia* [Marxism and Questions of Linguistics]. Moscow: Gospolitizdat, 1953. (In Russian)

Stalin I. V. Natsional'nyi vopros i leninizm: otvet tovarishcham Meshkovu, Koval'chuku i drugim [The Nationality Question and Leninism: An Answer to Comrades Meshkov, Kovalchuk and Others]. *Stalin I. V. Sochineniia* [Stalin I. V. Essays]. Vol. 11. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1949, pp. 333–355. (In Russian)

Struve V. V. Sovetskaia etnografiia i ee perspektivy [Soviet Ethnography and Its Prospects]. *Sovetskaia etnografiia*, 1939, no. 2, pp. 3–10. (In Russian)

Tishkov V. A. (2003a) O Yu. V. Bromlee [About Iu. V. Bromley]. *Akademik Yu. V. Bromlei i otechestvennaia etnologiia v 1960–1990-e gody* [Academician Yu. V. Bromley and Russian Ethnology in 1960–1990s.]. Ed. by S. Ya. Kozlov. Moscow: Nauka, 2003, pp. 3–9. (In Russian)

Tishkov V. A. (2003b) *Rekviem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Etnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka, 2003. (In Russian)

Tishkov V. A. Ot etnosa k etnichnosti i posle [From Etnos to Ethnicity, and After]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 5, pp. 5–22. (In Russian)

Trubetskoi N. S. *Nasledie Chingizkhana* [The Legacy of Genghis Khan]. Moscow: Agraf, 1999. (In Russian)

Yanov A. L. Uchenie L'va Gumileva [The Teachings of Lev Gumilyov]. *Svobodnaia mysl'*, 1992, no. 17, pp. 104–116. (In Russian)

Submitted: 10.12.2020

Accepted: 24.02.2021

Published: 01.04.2021